Читатель, быть можетъ, найдетъ, что я переоцѣниваю значеніе этихъ признаковъ; но если онъ внимательно слѣдилъ за развитіемъ русской революціи, и знакомъ съ исторіей великихъ западныхъ революцій,—то онъ долженъ будетъ признать, что я высказываю свое мнѣніе, во всякомъ случаѣ, не безъ серьезнаго основанія. Онъ долженъ будетъ признать, что предположеніе, будто революціонный процессъ, уже ознаменовавшій себя такими проявленіями, можетъ внезапно закончиться, угаснуть и пройти безъ дальнѣйшихъ послѣдствій—является болѣе фантастическимъ и химерическимъ, чѣмъ увѣренность въ его дальнѣйшемъ развитіи вплоть до попытки осуществленія новаго, соціалистическаго общества.

Сомнѣніе въ томъ, что перечисленные выше признаки великой революціи дѣйствительно знаменуютъ наступленіе великой революціи,—равносильно сомнѣнію въ русскомъ народѣ. Народъ это въ западно-европейскомъ смыслѣ или рабье племя, неспособное къ творчеству?

Самостоятельно русскій народъ еще не выступалъ,—онъ выступаетъ только теперь; но весьма естественно, что, въ виду его прошлаго, мы вспоминаемъ слова Герберштейна: „этотъ народъ предпочитаетъ рабство свободѣ“, и сомнѣваемся: а вдругъ, не смотря на всѣ признаки, это не великая революція, а только фальшивая тревога... Русскій человѣкъ—овца; правда, и овцы иногда бѣсятся, да что же можетъ выйти изъ овечьяго бѣшенства?

Но кто считаетъ русскій народъ способнымъ къ творчеству, кто признаетъ, что въ Россіи дѣйствительно совершается великая революція, революція того же типа, какъ французская XVIII вѣка или англійская XVII вѣка, а въ то же время утверждаетъ, что наша революція будетъ „буржуазной“, что она отстанетъ на 100 лѣтъ отъ теоретической работы культурнаго человѣчества, ограничится осуществленіемъ того, что мысль человѣческая выработала уже полтораста лѣтъ тому назадъ, словомъ, окажется безмѣрно ниже своего времени,—тотъ впадаетъ въ глубочайшее противорѣчіе съ самимъ собой. Утверждать такой абсурдъ можно, только не вдумавшись въ смыслъ великихъ революцій, которыя какъ бы ни различались онѣ по своему содержанію (въ соотвѣтствіи съ историческимъ моментомъ), всѣ сходятся въ одномъ: каждая пытается осуществить на практикѣ все, что мысль человѣчества выработала въ теоріи.

* *
*

Какъ же совершится соціальная революція, или—чтобы не предрѣшать вопроса о ея успѣхѣ или неуспѣхѣ—кто возьметъ на себя опытъ осуществленія соціальной революціи? Я не сомнѣваюсь, что импульсъ къ ней явится изъ среды самого народа, а отнюдь не какихъ-либо партій. Русская революція уже вступила на этотъ путь: дѣйствуетъ и заявляетъ требованія народъ; а партіи, даже самыя крайнія, только повинуются его требованіямъ и формулируютъ или, лучше сказать, редактируютъ ихъ, подыскивая для нихъ надлежащее выраженіе въ разработанныхъ теоретической мыслью программахъ, формулахъ и планахъ. Если партія соціалъ-демократовъ выставила въ качествѣ требованія, подлежащаго немедленному осуществленію, 8-ми часовой рабочій день, то вѣдь это рабочіе, двинувшіеся гораздо дальше, чѣмъ могла расчитывать партія, побудили ее перенести на сегодня многое изъ того, что откладывалось до завтра. Не партія соціалистовъ-революціонеровъ навязала аграрному движенію „соціализацію земли“, а восставшее крестьянство очень опредѣленно дало понять, что оно поднимается не съ цѣлью торговаться изъ-за „отрѣзковъ“,—и побудило партію искать формулу, достаточно широкую, чтобы выразить требованія крестьянства. Не партіи „приказали“ возстанія Московское, Севастопольское, Ростовское-на-Дону и проч.,—скорѣе можно сказать, что партіи не рѣшились использовать эти возстанія!..

Если годъ тому назадъ казалось, что верхи общества затѣваютъ революцію, тревожно спрашивая себя: поддержатъ ли насъ народныя массы?—то въ настоящее время народныя массы, взявшія дѣло революціи въ свои руки, могли бы спросить себя: далеко ли пойдутъ за ними верхи общества, если бъ... если бъ нужно было объ этомъ спрашивать. Верхи общества спѣшно организуются въ противореволюціонный союзъ.

Этой реакціонной силѣ противустоитъ теперь революціонный народъ, отъ котораго и исходитъ импульсъ дальнѣйшаго движенія. Это перемѣщеніе движущей силы революціи сверху внизъ—важнѣйшее и характернѣйшее событіе минувшаго года.

Народъ не остановится. Ему нужна справедливость, а не конституція, какъ таковая. Убѣдившись, что политическія реформы, учредительное собраніе, какой угодно конституціонный или республиканскій строй по-прежнему оставляютъ его въ положеніи вьючнаго скота,—онъ пойдетъ дальше, требуя осуществленія того порядка, который, какъ теперь выяснено, можетъ вывести его изъ этого положенія. Логика внутренняго, психическаго процесса, лежащаго въ основѣ великой революціи, сама по себѣ должна привести къ этому; а внѣшнимъ стимуломъ огромной силы явится неизбѣжное при всякой революціи ухудшеніе матеріальнаго положенія страны. Подъемъ матеріальнаго благосостоянія, являющійся результатомъ преобразованія общественныхъ отношеній, наступаетъ послѣ революціи (во Франціи, напр., онъ обнаружился только ко временамъ реставраціи), но пока революція совершается, разореніе неизбѣжно. Государственное банкротство, разстройство промышленности, словомъ дезорганизація хозяйства страны—это только одно изъ внѣшнихъ проявленій революціи; и кто говоритъ „революція“, тотъ говоритъ „хозяйственная дезорганизація“. Это должно быть понятно всякому кадету, нужно быть „кадетомъ“, чтобы не понимать этого! Народу предоставляется выборъ: или гнить въ безнадежно-гнусномъ состояніи или итти къ правдѣ и справедливости, per aspera ad astra, претерпѣть временное разореніе ради новаго устройства. Бываютъ моменты, когда народъ рѣшается на послѣднее, и въ этихъ случаяхъ, какъ показываетъ исторія великихъ революцій, энтузіазмъ народныхъ массъ—несокрушимъ: его не въ силахъ сломить никакое разореніе, нищета, бѣдствіе. Но тотъ же энтузіазмъ, который помогаетъ ему выдерживать величайшія испытанія, побуждаетъ его не останавливаться въ своихъ требованіяхъ, пока не исчерпано все.

И у насъ, когда пролетаріатъ *) убѣдится, что никакія политическія реформы, никакое фабричное законодательство, ни даже 8-часовой рабочій день, если онъ будетъ введенъ, не уменьшаютъ нищеты, разоренія, безработицы, не водворяютъ справедливости,—онъ скажетъ себѣ: „Да чего же мы ждемъ? зачѣмъ колеблемся? отчего не рѣшаемся? Возьмемъ дѣло въ свои руки, станемъ хозяевами производства, будемъ вести его сами, за свой счетъ и страхъ! Перестроимъ его заново, водворимъ, наконецъ, тотъ порядокъ, о которомъ говорятъ намъ соціалисты, какъ о возможномъ и осуществимомъ, только просятъ не вводить его теперь: „Вы, де, рабочіе, еще не доросли до него“. Посмотримъ—доросли мы или не доросли, можемъ или не можемъ!..

„Если намъ не удастся, если дѣло не пойдетъ въ нашихъ рукахъ, если придется возстановить капиталистическій порядокъ,—то мы будемъ знать, по крайней мѣрѣ, что сдѣлали все, что могли, для себя, для своихъ дѣтей, для грядущихъ поколѣній, для счастья человѣчества... Мы будемъ знать, что не оттолкнули того, что само давалось въ руки, не прозѣвали случая, какіе представляются въ сотни лѣтъ разъ, не остановились, по собственному малодушію, на рубежѣ обѣтованной земли, когда никакая внѣшняя сила не препятствовала намъ войти въ нее!“

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ революціоннаго процесса долженъ наступить моментъ, когда эта мысль явится; а разъ она явится, то съ молніеносной быстротой облетитъ всю Россію. Партіямъ и вожакамъ останется только, опираясь на свои знанія, помочь пролетаріату организовать новое общество. Отмѣна частной собственности на землю и орудія производства, переходъ фабрикъ, заводовъ, общественныхъ сооруженій во владѣніе народа, организація рабочихъ въ огромный союзъ производительныхъ ассоціацій, новая организація обмѣна, новая организація производства... весь этотъ рядъ послѣдовательныхъ актовъ, въ общихъ чертахъ намѣченныхъ и разработанныхъ современной литературой,—потребуетъ, разумѣется, огромной работы, научной, статистической и т. д., и не мѣшало бы готовиться къ этой работѣ теперь же, составляя планъ техническаго осуществленія новой общественной организаціи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Александровичъ.

*) Я лично думаю, что соціализація производства начнется по иниціативѣ пролетаріата, а не крестьянства.

ДОБЫТЧИКИ СВОБОДЫ.

Второй делегатскій съѣздъ всероссійскаго союза учителей и дѣятелей по народному образованію.

I.

Еще такъ недавно, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подпольная молодая Россія, въ лицѣ соціалистическихъ партій, обращаясь къ народнымъ учителямъ, доказывала имъ, что судьба учителей тѣсно связана съ судьбою пролетарскихъ и народныхъ массъ, дѣтей которыхъ они обучаютъ, что подневольное положеніе учителей не можетъ прекратиться ранѣе освобожденія самого народа и что поэтому мѣсто ихъ, учителей,—въ рядахъ трудящагося и угнетеннаго люда, для завоеванія вмѣстѣ съ нимъ лучшаго будущаго. Въ то время были отдѣльныя единицы, небольшіе кружки изъ учителей, которые, примкнувъ къ той или другой партіи, планомѣрно работали надъ освобожденіемъ народа, но массового освободительнаго движенія среди учителей, не смотря на общее ихъ враждебное отношеніе къ казенному міру, тогда еще не было.

Теперь подобное обращеніе къ учителямъ въ значительной степени утратило свое значеніе, ибо учителя въ числѣ многихъ тысячъ уже находятся въ рядахъ борящихся народныхъ массъ, представляя собою своеобразные отряды добытчиковъ свободы. Однимъ изъ доказательствъ этого является второй делегатскій съѣздъ всероссійскаго союза учителей и дѣятелей по народному образованію, состоявшійся 26—29 декабря истекшаго года. Мы будемъ характеризовать этотъ съѣздъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія общественно-политическаго настроенія учителей и ихъ участія въ современномъ освободительномъ движеніи.

Учительскій союзъ образовался на первомъ учредительномъ съѣздѣ учителей въ іюнѣ про-